

ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПСИХО- АНАЛИЗ

ИСКУССТВО ВРАЧЕВАНИЯ ПСИХИКИ

ПСИХОПАТОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ
ПО ТУ СТОРОНУ ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ

Зигмунд Фрейд
Психоанализ. Искусство
врачевания психики.
Психопатология обыденной
жизни. По ту сторону
принципа удовольствия
Серия «Высший курс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68559270

*Психоанализ. Искусство врачевания психики. Психопатология
обыденной жизни. По ту сторону принципа удовольствия:
ISBN 978-5-17-153065-5*

Аннотация

Знаменитые работы основоположника психоанализа Зигмунда Фрейда, выдержавшие рекордное количество переизданий, остаются одними из главных научных бестселлеров столетия. Являясь введением в теорию и практику психоанализа, психологию и психоанализ человеческого поведения в норме и патологии, эти работы дают ключи к пониманию природы неврозов навязчивых состояний, меланхолии и депрессии, объясняют механизм возвращения психологических травм,

а расшифровка «ошибочных действий», точно так же как толкование сновидений, может быть эффективно использована в целях диагностики и терапии.

Перевод выполнен ведущим переводчиком Фрейда и выгодно отличается от предыдущих переводов особой выверенностью терминологии, уточненной и приведенной в соответствие с современными языковыми и научными нормами.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Психопатология обыденной жизни	8
I	8
II	19
III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Зигмунд Фрейд Психоанализ. Искусство врачевания психики. Психопатология обыденной жизни. По ту сторону принципа удовольствия

Sigmund Freud

Zur Psychopathologie des Alltagslebens

Sigmund Freud

Jenseits des Lustprinzips

© Боковиков А. М., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Зигмунд Фрейд по степени влияния своих произведений, широте взглядов и смелости теорий произвел коренную ломку мышления, устоев и представлений эпохи. Трудно найти в истории человеческой мысли, даже в истории религии, человека, чье влияние было бы так непосредственно, так обширно или так значительно.

Ричард Уолхейм

Научное творчество Зигмунда Фрейда – наследие миро-

вой психологии и культуры, а его стиль – завидный образец научно-популярного изложения сложных идей для всеобщего достояния, общего развития и – удовольствия.

Уильям О'Рейли

Прекрасная работа по экспликации основных идей психоанализа. В отличие от многих других текстов, которые используют довольно сложный язык, Фрейд читается ясно и легко. Я рекомендую эту книгу для любого, кто хочет получить базовые знания по психоанализу, или для повышения общей психологической грамотности.

Вирджиния Найт, психолог, психотерапевт, США

Это больше чем книга для чтения! Она анализирует различные аспекты деятельности человеческой психики, расширяет и освежает мировоззрение.

Сара Ли, продюсер, Канзас

Безоговорочно рекомендуется всем изучающим психоанализ!

Роман Долгополов, Новгород

Я никогда не интересовалась научной литературой, особенно по психологии и психоанализу, думала, что эти произведения только для профессионалов. Но я изменила свой взгляд, когда прочитала «Введение в психоанализ» и «Психопатологию обыденной жизни». Эти книги открыли мне

глаза не только на этот вид литературы, но и на уникальный подход к познанию человеческого поведения.

Вилена Сторчак, Киев, Украина

Зигмунд Фрейд был гением. Это ни в коем случае не означает, что он всегда был прав. Но игнорировать его идеи можно только на свой страх и риск, если вы всерьез заинтересованы в понимании человеческого поведения и состояния.

Меган Бигайл, дизайнер, Филадельфия

Гениально! Я люблю эту книгу – именно так звучал бы голос доктора Фрейда в аудитории TED TALKS.

Джон Грин, Великобритания

Психопатология обыденной жизни (О забывании, оговорке, ошибочном действии, суеверии и заблуждении)

*Теперь весь воздух чарами кишит,
И этих чар никто не избежит.*

*«Фауст», часть II, акт V
(Перевод Н. Холодковского)*

I

Забывание имен собственных

В выпуске 1898 года «Ежемесячного журнала психиатрии и неврологии» я опубликовал небольшую статью «О психическом механизме забывчивости», содержание которой я здесь повторяю и приму за отправную точку для дальнейших рассуждений. В ней на наглядном примере из моего самонаблюдения я подверг психологическому анализу часто встречающийся феномен временного забывания имен собственных и пришел к результату, что этот обычный и в практиче-

ском отношении не очень существенный частный случай выпадения психической функции – памяти – допускает объяснение, выходящее далеко за рамки общепринятых представлений.

Если я не очень ошибаюсь, психолог, которого попросили бы объяснить, как получается, что так часто человек не может вспомнить имени, которое все же, как он думает, знает, удовольствуется ответом, что имена собственные более подвержены забыванию, чем другого рода содержание памяти. Он привел бы убедительные причины такого предпочтения имен собственных, но не заподозрил бы иную обусловленность случившегося.

Для меня поводом к обстоятельному изучению феномена временного забывания имен стало наблюдение неких деталей, которые довольно отчетливо можно распознать – пусть и не во всех случаях, но, по крайней мере, в отдельных. В таких случаях имя не только *забывается*, но и *неправильно вспоминается*. Человеку, пытающемуся вспомнить выпавшее из памяти имя, в сознание приходят другие – замещающие – имена, которые хотя и признаются тотчас неверными, но все же с большой вязкостью навязываются снова и снова. Процесс, который должен привести к воспроизведению искомого имени, как будто *сместился* и, таким образом, привел к неверной замене. Мое предположение заключается в том, что это смещение не отдано на откуп психическому произволу, а придерживается закономерных и поддающихся

ся исчислению путей. Другими словами, я предполагаю, что замещающее имя или замещающие имена находятся во взаимосвязи с искомым словом, которую можно выявить, и надеюсь, что, если мне удастся обнаружить эту взаимосвязь, то смогу пролить свет на ход событий при забывании имени.

В примере, выбранном в 1898 году для анализа, речь шла об имени мастера, создавшего в кафедральном соборе Орвието великолепные фрески «последних дел», которое я тщетно старался вспомнить. Вместо искомого имени – *Синьорелли* – мне упорно навязывались имена двух других живописцев – *Боттичелли* и *Больтраффио*, – которые моим суждением тотчас и решительно были отвергнуты как неверные. Когда посторонним лицом мне было сообщено верное имя, я сразу и без колебаний его признал. Исследование того, в результате каких воздействий и по каким ассоциативным путям воспроизведение сместилось подобным образом – с Синьорелли на Боттичелли и Больтраффио, – привело к следующим результатам.

а) Причину выпадения имени *Синьорелли* не стоит искать ни в особенности самого этого имени, ни в психологическом характере взаимосвязи, в которой оно было включено. Забытое имя было мне точно так же знакомо, как одно из замещающих имен – Боттичелли, – и несравненно более знакомо, чем второе из замещающих имен – Больтраффио, – о чем обладателе я едва ли мог бы сообщить нечто еще по-

мимо его принадлежности к миланской школе. Взаимосвязь же, в которой случилось забывание имени, кажется мне безобидной и не ведет к дальнейшему разъяснению: я вместе с одним незнакомцем ехал в карете из Рагузы в Далмации на некую станцию в Герцеговине; мы завели разговор о путешествии по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли там знаменитые фрески NN.

б) Забывание имени объясняется только тогда, когда я вспоминаю тему, непосредственно предшествующую той беседе, и предстает как *результат нарушения вновь возникающей темы со стороны предшествующей*. Незадолго до того, как я задал вопрос моему спутнику, был ли он уже в Орвието, мы беседовали о нравах живущих в *Боснии и Герцеговине* турок. Я рассказал о том, что слышал от одного практикующего среди этих людей коллеги, что обычно они демонстрируют полное доверие врачу и полную покорность судьбе. Если им сообщают, что больному нельзя помочь, то они отвечают: «Что тут сказать, *господин* (Herr)? Я знаю, если бы его можно было спасти, ты спас бы его!» Только в этих предложениях содержатся слова и названия: *Босния, Герцеговина*, – которые можно вставить в ассоциативный ряд между *Синьорелли* и *Боттичелли* – *Больтраффио*.

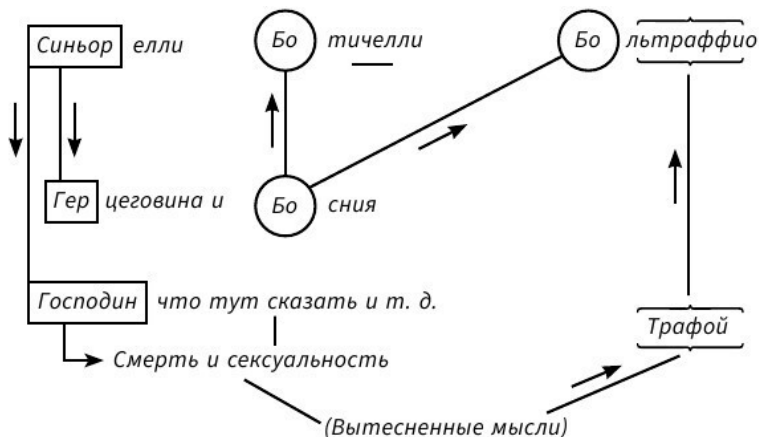
в) Я предполагаю, что вереница мыслей о нравах боснийских турок и т. д. оказалась способной помешать следующей

мысли потому, что я отвлек от нее свое внимание еще до того, как довел ее до конца. Ибо я вспоминаю о том, что хотел рассказать второй эпизод, покоившийся в моей памяти рядом с первым. Эти турки ценят выше всего сексуальное наслаждение и при сексуальных расстройствах впадают в отчаяние, которое странным образом контрастирует с их смирением при смертельной опасности. Один из пациентов моего коллеги как-то ему сказал: «Ты знаешь ведь, *господин*, если *этого* больше нет, то и жизнь не имеет ценности». Я удержался от сообщения об этой характерной черте, поскольку не хотел затрагивать эту тему в беседе с незнакомцем. Но я сделал еще нечто большее; я отвлек свое внимание и от продолжения мыслей, которые могли бы связаться у меня с темой «сексуальность и смерть». Я находился тогда под впечатлением вести, полученной несколькими неделями раньше во время моего краткого пребывания в местечке *Трафой*. Один пациент, с которым я много работал, из-за неизлечимого сексуального расстройства покончил с жизнью. Я точно знаю, что в той поездке в Герцеговину это печальное событие и все, что с ним было связано, в моей сознательной памяти не всплывали. Но соответствие *Трафой – Больтраффио* заставляет меня предположить, что тогда эта реминисценция, несмотря на намеренное отвлечение моего внимания, оказала на меня свое действие.

г) Я уже не могу понимать забывание имени Синьорелли как случайное событие. Я должен признать в этом происше-

ствии влияние некоего *мотива*. Это были мотивы, побудившие меня прерваться при сообщении моих мыслей (о нравах турок и т. д.) и в дальнейшем повлиявшие на то, чтобы не допустить осознания мною привязывающихся к ним мыслей, которые привели бы к известию в Трафое. Стало быть, я хотел что-то забыть, я что-то вытеснил. Разумеется, я хотел забыть нечто другое, нежели имя мастера из Орвието; но это другое сумело вступить в ассоциативную связь с этим именем, так что мой волевой акт не достиг цели, и я *против воли забыл одно*, тогда как *намеревался забыть другое*. Нежелание вспомнить направилось против одного содержания, неспособность вспомнить обнаружилась на другом. Очевидно, более простым был бы случай, если бы нежелание и неспособность вспомнить касались бы одного и того же содержания. Замещающие имена больше не кажутся мне такими уж совершенно неправомочными, как до разъяснения; они в равной степени (сродни компромиссу) напоминают мне как о том, что я позабыл, так и о том, что я хотел вспомнить, и демонстрируют мне, что мое намерение что-то забыть не оказалось ни в полной мере успешным, ни полностью безуспешным.

д) Весьма необычен вид связи, возникшей между искомым именем и вытесненной темой (смерти и сексуальности и т. д., в которой встречаются названия Босния, Герцеговина, Трафой). Включенной здесь схемой, заимствованной из статьи 1898 года, я попытаюсь наглядно изобразить эту связь.

При этом имя Синьорелли было расчленено на две части. Одна пара слогов (*елли*) повторяется в одном из замещающих имен без изменения, другая благодаря переводу *signor* – *Herr* приобрела многочисленные и разнообразные связи с названиями, содержащимися в вытесненной теме, но вследствие этого оказалась потерянной для репродукции. Их замещение произошло таким образом, как будто было произведено смещение вдоль соединения названий «Герцеговина и Босния», не считаясь со смыслом и акустическим разграничением слогов. Стало быть, в этом процессе с названиями обошлись так, как со шрифтовыми образами предложения, которое должно быть преобразовано в ребус. Обо всем ходе событий, в результате которого таким способом вместо

имени Синьорелли были созданы замещающие имена, сознание не получило никаких вестей. Связь между темой, в которой встретилось имя Синьорелли, и предшествовавшей ей по времени вытесненной темой, которая вышла за пределы этого повторения одинаковых слогов (или, точнее, последовательностей букв), как *поначалу* кажется, выявить невозможно.

Пожалуй, не будет лишним заметить, что предполагаемые психологами условия репродукции и забывания, которые отыскиваются в известных соотношениях и диспозициях, не противоречат предшествующему объяснению. Мы лишь для определенных случаев добавили ко всем давно признаваемым моментам, которые могут содействовать забыванию имени, еще один *мотив* и, кроме того, прояснили механизм ошибочного припоминания. Те диспозиции необходимы и в нашем случае, чтобы создать возможность того, что вытесненный элемент ассоциативно завладеет искомым именем и заберет его с собой в вытеснение. С другим именем, имеющим более благоприятные условия воспроизведения, этого бы, возможно, не произошло. Более того, вероятно, что подавленный элемент всякий раз стремится заявить о себе где-либо в другом месте, но достигает этого результата лишь там, где ему содействуют подходящие условия. В других случаях подавление удастся без нарушения функции, или, как мы по праву можем сказать, без *симптомов*.

Таким образом, если подытожить условия забывания име-

ни с ошибочным припоминанием, получается: 1) известное предрасположение к его забыванию; 2) незадолго до этого завершившийся процесс подавления; 3) возможность создать *внешнюю* ассоциацию между данным именем и ранее подавленным элементом. Последнее условие, вероятно, следует оценивать не очень высоко, поскольку при незначительных требованиях к ассоциации таковая в большинстве случаев может осуществиться. Другой и более глубоко простирающийся вопрос заключается в том, действительно ли такая внешняя ассоциация может быть достаточным условием для того, чтобы вытесненный элемент помешал репродукции искомого имени, не требуется ли все-таки более тесная связь между обеими темами. При поверхностном рассмотрении последнее требование хочется отклонить и счесть достаточным совпадение во времени при совершенно несовместимом содержании. Но при детальном исследовании все чаще обнаруживаешь, что оба элемента (вытесненный и новый), связанные внешней ассоциацией, обладают, кроме того, содержательной связью, да и в нашем примере с именем *Синьорелли* можно выявить таковую.

Ценность понимания, которое мы приобрели при анализе примера с именем *Синьорелли*, естественно, зависит от того, каким мы хотим объявить этот случай – типичным или единичным происшествием. Я должен тут утверждать, что забывание имени с ошибочным припоминанием необычайно часто происходит так, как мы это прояснили в случае *Синьо-*

релли. Почти каждый раз, когда я мог наблюдать этот феномен на себе самом, я был также способен вышеупомянутым способом объяснить его себе как обусловленный вытеснением. Я должен также выставить как довод еще и другую точку зрения в пользу типичного характера нашего анализа. Я думаю, что случаи забывания имен с ошибочным воспоминанием неправомерно принципиально отделять от тех, в которых неверные замещающие имена не появлялись. В ряде случаев эти замещающие имена возникают спонтанно; в других случаях, где они не возникли спонтанно, их можно заставить всплыть усилием внимания, и тогда они обнаруживают такие же связи с вытесненным элементом и искомым именем, как если бы они возникли спонтанно. Для осознания замещающего имени решающими, по-видимому, являются два момента: во-первых, усиление внимания, во-вторых, некоторое внутреннее условие, относящееся к психическому материалу. Я мог бы поискать последнее в большей или меньшей легкости, с какой создается необходимая внешняя ассоциация между обоими элементами. Таким образом, значительная часть случаев забывания имен *без* ошибочного припоминания присоединяется к случаям с образованием замещающих имен, для которых действителен механизм примера «Синьорелли». Но, разумеется, я не отважусь утверждать, что все случаи забывания имен можно отнести к указанной группе. Без сомнения, имеются случаи забывания имен, возникающие значительно проще. Пожалуй, мы представим по-

ложение вещей достаточно осмотрительно, если скажем: *наряду с простым забыванием имен собственных встречается также забывание, которое обусловлено вытеснением.*

II

Забывание иностранных слов

Общеупотребительный словарный состав нашего собственного языка в пределах нормальной функции, по-видимому, защищен от забывания. Иначе, как известно, обстоит дело со словами иностранного языка. Предрасположение к их забыванию имеется по отношению ко всем частям речи, и первая степень нарушения функции проявляется в неравномерности имеющегося в нашем распоряжении запаса иностранных слов в зависимости от нашего общего состояния и степени утомления. В ряде случаев это забывание происходит по тому же самому механизму, который нам раскрыл пример «Синьорелли». В доказательство этого я сообщу об одном-единственном, но отличающемся важными особенностями анализе, который касается случая забывания одного не субстантивного слова из латинской цитаты. Позвольте мне изложить небольшой инцидент обстоятельно и наглядно.

Прошлым летом я возобновил — опять-таки во время отпускной поездки — знакомство с одним молодым, академически образованным человеком, который, как я вскоре заметил, был знаком с некоторыми моими психологическими публикациями. В беседе мы затронули — не помню уже, каким образом — социальное положение нации, к которой

мы оба принадлежим, и он, человек честолюбивый, принялся сожалеть о том, что его поколение, как он выразился, обречено на упадок, не может развивать свои таланты и удовлетворять потребности. Он закончил свою страстную и взволнованную речь известным стихом Вергилия, в котором несчастная Дидона завещает потомкам отомстить Энею: «*Exoriare...*», точнее, хотел так завершить, ибо не сумел воспроизвести цитату и попытался скрыть очевидный пробел памяти перестановкой слов: «*Exoriar (e) ex nostris ossibus ultor!*» В конце концов он сказал раздраженно: «Пожалуйста, не делайте такого насмешливого лица, словно вам доставляет удовольствие мое смущение, и лучше мне помогите. В стихе чего-то недостает. Как, собственно, он звучит полностью?»

«Охотно», – ответил я и правильно процитировал стих:

«*Exoriar (e) aliquis nostris ex ossibus ultor!*»¹

«Как глупо забыть такое слово! Впрочем, я же знаю от вас, что ничего без причины не забывается. Любопытно было бы узнать, как я пришел к забыванию этого неопределенного местоимения *aliquis*».

Я со всей готовностью принял вызов, надеясь пополнить свою коллекцию. Поэтому я сказал: «Это мы можем сделать тут же. Я должен только вас попросить *откровенно* и *без кри-*

¹ «Да восстанет из наших костей некий мститель!» (лат.)

тики сообщать мне все, что вам придет в голову, когда вы без определенного намерения направите свое внимание на забытое слово».

«Хорошо. Мне приходит в голову забавная мысль расчленить слово следующим образом: *a* и *liquis*».

«Что это значит?» – «Не знаю». – «Что вам приходит в голову дальше?» – «Дальше так: реликвии – ликвидация – жидкость – флюид. Теперь уже что-нибудь знаете?»

«Нет, пока еще нет. Но продолжайте».

«Я думаю, – продолжил он, иронически посмеиваясь, – о *Симоне Триентском*, чьи реликвии два года назад я видел в одной церкви в Триенте. Я думаю об обвинении в кровопролитии, которое как раз сейчас выдвигается против евреев, и о трактате *Кляйнпауля*, который во всех этих мнимых жертвах видит воплощения, так сказать, переиздания Спасителя».

«Эта мысль не совсем уж не связана с темой, о которой мы с вами беседовали до того, как у вас выпало латинское слово».

«Верно. Дальше я думаю о статье в итальянском журнале, который я недавно читал. По-моему, она была озаглавлена: „Что св. *Августин* говорит о женщинах?“ Что вы с этим делаете?»

«Я жду».

«Ну, теперь приходит нечто такое, что, несомненно, с нашей темой не связано».

«Будьте любезны, воздержитесь от критики и...»

«Да, знаю. Мне вспоминается замечательный пожилой господин, которого на прошлой неделе я встретил во время поездки. Настоящий *оригинал*. Он похож на большую хищную птицу. Его зовут, вам это хочется знать, *Бенедикт*».

«Во всяком случае получается ряд из святых и отцов церкви: *св. Симон, св. Августин, св. Бенедикт*. Одного из отцов церкви, по-моему, зовут *Ориген*. Впрочем, три этих имени являются также такими же именами, как имя Пауль в фамилии *Кляйнпауль*».

«Теперь мне приходит на ум святой *Януарий* и его чудо с кровью – мне кажется, что дальше так получается механически».

«Оставьте это; святой *Януарий* и святой *Августин* оба имеют отношение к календарю. Не напомним ли вы мне о чуде с кровью?»

«Да ведь вы это знаете! В одной церкви в Неаполе в колбе хранится кровь святого Януария, которая в определенный праздник чудом снова становится *жидкой*. Народ придает большое значение этому чуду и очень волнуется, если оно запаздывает, как это однажды случилось во время французской оккупации. Тогда командующий генерал – или я ошибаюсь? это был Гарибальди? – отвел в сторону священника и, весьма ясным жестом указав на выстроенных на улице солдат, сказал, что надеется, что чудо вскоре произойдет. И оно действительно произошло...»

«Так, дальше? Почему вы запнулись?»

«Теперь мне, правда, кое-что пришло в голову... но это слишком интимно, чтобы рассказывать... Впрочем, я не вижу взаимосвязи и надобности об этом рассказывать».

«О взаимосвязи мог бы позаботиться я. Конечно, я не могу заставлять вас рассказывать то, что вам неприятно; но тогда и вы не просите меня узнать, каким образом вы забыли то слово *aliquis*».

«Неужели? Вы полагаете? Ладно, я вдруг подумал об одной даме, от которой я могу получить известие, весьма неприятное для нас обоих».

«Что у нее не наступили месячные?»

«Как вы догадались?»

«Это уже не трудно. Вы меня достаточно к этому подготовили. Подумайте о календарных святых, о том, как в определенный день кровь становится жидкой, о смятении, когда событие не наступает, об откровенной угрозе, чудо должно произойти, а не то... Ведь чудо святого Януария вы переработали в прекрасный намек на месячные женщины».

«Сам того не зная. И вы действительно думаете, что из-за этого тревожного ожидания я не мог бы воспроизвести словечко *aliquis*?»

«Мне это кажется несомненным. Вспомните все-таки о своем расчленении на *a – liquis* и ассоциациях: *реликвии, ликвидация, жидкость*. Нужно ли мне еще вставить во взаимосвязь *принесенного в жертву ребенком святого Симона*, к ко-

торому вы пришли от „реликвий“?»

«Лучше этого не делайте. Надеюсь, вы не принимаете все-ррез этих мыслей, даже если они действительно у меня были. Зато хочу вам признаться, что эта дама – итальянка, в обществе которой я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть случайностью?»

«Я должен предоставить вам судить самому, могут ли объясняться гипотезой о случайности все эти взаимосвязи. Но я вам скажу, что любой аналогичный случай, который вы захотите проанализировать, приведет вас к столь же удивительным „случайностям“»².

У меня есть несколько причин ценить этот небольшой анализ, за возможность проведения которого я должен благодарить моего тогдашнего спутника. Во-первых, потому, что мне в этом случае было позволено воспользоваться источником, которого я обычно лишен. По большей части я вынужден заимствовать примеры нарушения психической функции в обыденной жизни, которые я здесь подбираю, из моего самонаблюдения. Гораздо более богатого материала, поставляемого мне моими невротическими пациентами,

² Этот небольшой анализ привлек к себе большое внимание в литературе и вызвал живую дискуссию. Именно на нем Э. Блейлер попытался математически определить достоверность психоаналитических толкований и пришел к выводу, что она имеет бóльшую вероятностную ценность, чем тысячи неоспоримых медицинских «выводов» и что она обязана своим особым положением только тому, что мы еще не привыкли считаться в науке с психологическими вероятностями. (Das autistisch-undisziplinierte Denken in der Medizin und seine Überwindung. Berlin, 1919.)

я стараюсь избегать, поскольку должен опасаться возражения, что данные феномены представляют собой результат и проявления невроза. Поэтому для моих целей имеет особую ценность, когда посторонний человек со здоровыми нервами вызвался стать объектом такого исследования. Этот анализ становится для меня важным и в другом отношении, поскольку он освещает случай забывания слова *без* замещающего припоминания и подтверждает мой ранее выдвинутый тезис, что появление или отсутствие неверных замещающих припоминаний не может обуславливать существенного различия³.

³ Дальнейшее наблюдение несколько ограничивает различие между анализом «Синьорелли» и анализом *aliquis* в отношении замещающих припоминаний. Также и здесь забывание, по-видимому, сопровождается замещающим образованием. Когда впоследствии я задал своему собеседнику вопрос, не приходило ли ему в голову во время его стараний вспомнить недостающее слово вставить вместо него что-то другое, он сказал, что вначале испытывал искушение вставить в стих *ab: nostris ab ossibus* (возможно, не связанную часть от *a-liquis*), а затем, что ему особенно отчетливо и упорно навязывалось *exoriare*. Будучи скептиком, он добавил: «Очевидно, потому, что это было первое слово стиха». Когда я его попросил обратить внимание на ассоциации с *exoriare*, он назвал экзорцизм. Поэтому я вполне могу допустить, что усиление слова *exoriare* при репродукции, собственно говоря, имело ценность такого замещающего образования. Оно могло произойти от имени *святых* через ассоциацию «экзорцизм». Впрочем, это тонкости, которым не нужно придавать значения. Но представляется вполне возможным, что появление того или иного замещающего воспоминания является константным, быть может, также лишь характерным и предательским признаком тенденциозного, обусловленного вытеснением забывания. Это замещающее образование состояло бы – также и там, где неправильные замещающие имена не возникают, – в усилении элемента, смежного с забытым. Например, в случае «Синьорелли», покуда имя художника оставалось для меня недоступным,

Но главная ценность примера *aliquis* заключается в другом своем отличии от случая «Синьорелли». В последнем примере репродукция имени нарушается последствием хода мыслей, начавшегося и оборвавшегося незадолго до этого, но чье содержание не находилось в отчетливой связи с новой темой, в которой было заключено имя Синьорелли. Между вытесненным элементом и темой забытого имени существовало лишь отношение временной смежности, этого было достаточно, чтобы они сумели связаться посредством внешней ассоциации⁴. И наоборот, в примере *aliquis* ничего из того, что относилось бы к такой независимой вытесненной теме, которая непосредственно перед этим занимала бы сознательное мышление, а теперь отдавалось бы эхом в виде помехи, невозможно заметить. Нарушение репродукции происходит здесь изнутри затронутой темы, поскольку бессознательно возникает против представленной в цитате идеи. Ход событий должен быть рекон-

зрительное воспоминание о цикле фресок и об автопортрете, помещенном в углу одной из его картин, было *необычайно ярким*, во всяком случае гораздо более интенсивным, чем обычно возникающие у меня следы зрительного воспоминания. В другом случае, также рассказанном в статье 1898 года, из адреса, по которому мне предстояло нанести неприятный визит в чужом городе, я безнадежно забыл название улицы, но номер дома, словно в издевку, запомнился очень отчетливо, хотя обычно запоминание чисел доставляет мне наибольшие трудности.

⁴ Я не стал бы с полной убежденностью ручаться за отсутствие внутренней связи между обоими кругами мыслей в случае «Синьорелли». При тщательном прослеживании вытесненных мыслей на тему «смерть и сексуальная жизнь» все же наталкиваешься на идею, близко соприкасающуюся с темой фресок в Орвието.

струирован следующим образом: мой собеседник сожалел, что нынешнее поколение его народа ущемлено в своих правах; новое поколение – пророчествует он, подобно Дидоне, – отомстит угнетателям. Стало быть, он высказал желание иметь потомство. В этот момент вмешивается противоречащая этому мысль: «Действительно ли ты так сильно желаешь себе потомства? Это неправда. В каком затруднительном положении ты оказался бы, если получишь теперь известие, что должен ожидать потомства от известной тебе особы? Нет, никакого потомства, хотя мы нуждаемся в нем для мести». Это возражение заявляет тут о себе, создавая, в точности как в примере «Синьорелли», внешнюю ассоциацию между одним из своих элементов представления и элементом опротестованного желания, причем в этот раз чрезвычайно насильственным образом, кажущимся искусственным ассоциативным путем. Второе важное соответствие с примером «Синьорелли» получается в результате того, что возражение проистекает из вытесненных источников и происходит от мыслей, которые могли бы отвлечь внимание. Вот и все, что можно сказать о различии и внутреннем родстве обеих парадигм забывания имен. Мы познакомились со вторым механизмом забывания, нарушением хода мыслей внутренним возражением, происходящим из вытесненного. С этим процессом, который кажется нам более простым для понимания, мы еще не раз встретимся в ходе последующих разъяснений.

III

Забывание имен и последовательностей слов

В связи с только что упомянутыми сведениями о процессе забывания части из последовательности иноязычных слов становится любопытным, потребует ли забывание последовательностей слов в родном языке иного по сути объяснения. Хотя обычно не удивляются, когда выученная наизусть формула или стихотворение по прошествии какого-то времени может воспроизводиться неточно, с изменениями и пропусками. Но поскольку это забывание не затрагивает равномерно все то, что было заучено во взаимосвязи, а опять-таки вырывает из этого отдельные куски, возможно, стоит постараться аналитически исследовать отдельные случаи такой ставшей ошибочной репродукции.

Один молодой коллега, высказавший в разговоре со мной предположение, что забывание стихотворений, написанных на родном языке, может быть обусловлено точно так же, как и забывание отдельных элементов последовательности иностранных слов, заодно предложил себя в качестве объекта исследования. Я спросил его, на каком стихотворении он хочет произвести опыт, и он выбрал «Коринфскую невесту», стихотворение, которое он очень любит и из которого пом-

нит наизусть по меньшей мере целые строфы. В самом начале воспроизведения у него возникла поистине странная неуверенность. «Как правильно: „Придя *из* Коринфа *в* Афины“ или „придя *в* Коринф *из* Афин?“» – спросил он. Я тоже с минуту поколебался, но затем со смехом заметил, что название стихотворения «Коринфская невеста» не оставляет сомнения в том, куда лежал путь юноши. Репродукция первой строфы прошла затем гладко или, по крайней мере, без заметного искажения. После первой строки второй строфы коллега, казалось, какой-то момент подыскивал рифму; вскоре он продолжил и продекламировал:

Но заслужит ли он доброго приема,
Ведь каждый день нам что-то новое несет?
Он – дитя языческого дома,
Они же христиане – крещены.

Меня сразу что-то насторожило; по окончании последней строки мы оба были согласны, что здесь произошло искажение. Поскольку нам не удавалось его исправить, мы поспешили в библиотеку, взяли стихотворения Гёте и, к своему удивлению, обнаружили, что вторая строка этой строфы звучит совершенно иначе, и этот текст словно был выброшен из памяти коллеги и заменен чем-то внешне посторонним. Правильно было так:

Но какой для доброго приема

Слово «цены» срифмовано с «крещены», и мне показалось странным, что конstellляция: «язычник», «христиане» и «крещены» – так мало содействовала ему в восстановлении текста.

«Можете ли вы себе объяснить, – спросил я коллегу, – почему в, казалось бы, так хорошо знакомом вам стихотворении вы полностью вычеркнули строку, и нет ли у вас догадки, из какой взаимосвязи вы смогли получить замену?»

Он был способен дать разъяснение, хотя явно сделал это не очень охотно. «Строка „Ведь каждый день нам что-то новое несет“ кажется мне знакомой; должно быть, эти слова я употребил недавно по поводу моей практики, подъемом которой, как вы знаете, в настоящее время я очень доволен. Но как попала туда эта фраза? Наверное, я знаю взаимосвязь. Строка „Но какой для доброго приема от него потребуют цены“ мне была явно неприятна. Она связана со сватовством, в котором в первый раз было отказано и которое теперь с учетом моего весьма улучшившегося материального положения я думаю повторить. Большого я вам сказать не могу, но, конечно, мне не будет приятно, если теперь меня примут, думать о том, что тогда, как и теперь, решающее значение имеет своего рода расчет».

Это показалось мне убедительным и без выяснения более

⁵ Перевод А. Толстого.

подробных обстоятельств. Но я спросил далее: «Как вы вообще пришли к тому, чтобы привнести себя и свои личные отношения в текст „Коринфской невесты“? Быть может, в вашем случае существуют такие же различия в вероисповедании, о значении которых говорится в стихотворении?»

Я не угадал, но было удивительно наблюдать, как один прицельный вопрос вдруг раскрыл глаза моему собеседнику, и в качестве ответа он смог преподнести мне то, что, несомненно, до сих пор ему самому оставалось неизвестным. Он бросил на меня удрученный и вместе с тем недовольный взгляд и пробормотал себе под нос дальнейшее место стихотворения:

Ты их видишь цвета?

Завтра будет седа.

и кратко добавил: «Она несколько старше меня».

Чтобы больше его не мучить, я прекратил расспросы. Объяснение казалось мне достаточным. Но, конечно, было удивительно, что попытка свести безобидную ошибку памяти к ее причине должна была затронуть столь отдаленные, интимные и катектированные неприятным аффектом дела исследуемого.

Другой пример забывания последовательности слов известного стихотворения я хочу привести по К. Г. Юнгу⁶ и

⁶ C. G. Jung. Über die Psychologie der Dementia praecox, 1907, Seite 64.

словами автора.

«Один господин хочет продекламировать известное стихотворение: „На севере диком стоит одиноко и т. д.“. На строке „и дремлет, качаясь...“ он безнадежно запинается, слова „и снегом сыпучим одета, как ризой, она“ он забыл полностью. Это забывание в столь известном стихотворении показалось мне странным, и я попросил его воспроизвести, что приходит ему в голову в связи со „снегом сыпучим одета, как ризой“. Получился следующий ряд: „При словах о белой ризе вспоминается саван, простыня которой накрывают покойника (пауза) – теперь мне приходит на ум один близкий друг – его брат недавно совершенно неожиданно умер – должно быть, от паралича сердца – он тоже был очень тучный – мой друг тоже тучный, и я уже начал думать, как бы и с ним не случилось такого, наверное, он слишком мало двигается; когда я услышал об этой смерти, мне вдруг стало страшно, как бы и со мной этого не случилось, потому что мы в нашей семье и без того имеем склонность к ожирению, а мой дедушка тоже умер от паралича сердца; я считаю себя тоже слишком полным и потому начал на этих днях курс лечения от ожирения“.

Стало быть, господин бессознательно сразу отождествил себя с сосной, окутанной белым саваном», – замечает Юнг.

Следующий пример забывания последовательности слов, которым я обязан моему другу Ш. Ференци из Будапешта, относится, в отличие от предыдущих, к самостоятельно про-

изнесенной речи, а не к фразе, заимствованной у поэта. Нам будет продемонстрирован не совсем обычный случай, когда забывание служит нашему благоразумию, если ему угрожает опасность уступить сиюминутной прихоти. Тем самым ошибочное действие выполняет полезную функцию. Когда мы снова становимся рассудительны, то тогда признаем правоту того внутреннего течения, которое до этого могло выражаться только посредством осечки – забывания, психической импотенции.

«В одном обществе раздается фраза: „*Tout comprendre c'est tout pardonner*“⁷. Я замечаю по этому поводу, что первой части фразы достаточно; „прощать“ – звучит высокомерно, лучше уж предоставить это богу и священнослужителям. Один присутствующий человек находит это замечание очень верным; это придает мне смелости и – вероятно, чтобы заручиться положительным мнением благосклонного критика, – я говорю, что недавно мне пришло в голову нечто лучшее. Но когда я собираюсь это рассказать, не могу этого вспомнить. Я тут же ретируюсь и записываю покрывающие мысли. Сперва всплывают имя друга и название улицы в Будапеште, бывшие свидетелями рождения той (искомой) мысли; затем имя еще одного друга, *Макса*, которого обычно мы зовем *Макси*. Это приводит меня к слову „*максима*“ и к воспоминанию о том, что тогда (как и в упомянутом вначале случае) речь шла о модификации известной максимы. Как ни

⁷ Понять – значит простить (фр.). – Прим. пер.

странно, в связи с этим мне приходит на ум не эта максима, а следующая: „*Бог создал человека по своему подобию*“, и измененная ее редакция: „*Человек создал бога по себе*“. Вслед за этим сразу же появляется воспоминание об искомом: мой друг сказал мне тогда на улице Андраши: „*Ничто человеческое мне не чуждо*“, на что я, намекая на психоаналитический опыт, ответил: „*Ты должен продолжить и признать, что ничто животное тебе не чуждо*“».

«После того как в конце концов у меня появилось воспоминание об искомом, вначале я не мог рассказать об этом в обществе, в котором как раз находился. Молодая супруга приятеля, которому я напомнил о животной сущности бессознательного, тоже была среди присутствующих, и я должен был знать, что к ознакомлению с такими неутешительными научными выводами она была совсем не подготовлена. Благодаря забыванию я избежал ряда неприятных вопросов с ее стороны и бесперспективной дискуссии, и именно это, должно быть, явилось мотивом „временной амнезии“.

Интересно, что покрывающая ассоциация навела на след фразы, в которой божество низводится до человеческой выдумки, тогда как в искомой фразе указывалось на животное в человеке. Стало быть, общим является *capitis diminutio*. Целое, представляет собой лишь продолжение стимулированного беседой хода мысли о понимании и прощении.

То, что в этом случае искомое обнаружилось так быстро, возможно, обязано и тому обстоятельству, что из общества,

в котором оно подверглось цензуре, я сразу удалился в безлюдную комнату».

С тех пор я провел многочисленные другие анализы в случаях забывания или ошибочного воспроизведения последовательности слов, и совпадающий результат этих исследований склонил меня к предположению, что механизм забывания, выявленный в примерах «*aliquis*» и «Коринфская невеста», имеет чуть ли не всеобщую законную силу. Как правило, не очень удобно сообщать о таких анализах, поскольку, подобно упомянутым выше, они всегда приводят к интимным и неприятным для анализируемого человека вещам; поэтому я и не буду далее приумножать число подобных примеров. Общим во всех этих случаях независимо от материала остается то, что забытое или искаженное тем или иным ассоциативным путем связывается с бессознательным мыслительным содержанием, от которого исходит воздействие, проявившееся как забывание.

Теперь я опять обращусь к забыванию имен, где мы до сих пор ни казуистику, ни мотивы исчерпывающим образом еще не рассмотрели. Поскольку именно этот вид ошибочных действий в свое время я мог вдоволь наблюдать на себе самом, у меня наготове множество таких примеров. Легкие мигрени, которыми я страдаю поныне, имеют обыкновение заранее заявлять о себе через забывание имен, а на пике этого состояния, во время которого прерывать работу мне не приходится, у меня часто выпадают все имена собственные. Прав-

да, именно такие случаи, как у меня, могли бы дать повод к принципиальному возражению против наших аналитических усилий. Разве из таких наблюдений не следует сделать вывод, что причина забывчивости и, в частности, забывания имен лежит в нарушении циркуляции и общих функциональных расстройствах головного мозга, и нельзя ли поэтому обойтись без психологических попыток объяснения этих феноменов? Я полагаю, отнюдь; это означало бы смешивать однородный во всех случаях механизм процесса с его изменчивыми и совсем не обязательными благоприятствующими условиями. Однако вместо полемики для ответа на возражение я хочу привести сравнение.

Представим себе, что я был настолько неосмотрителен, что среди ночи решил прогуляться по безлюдной местности большого города; на меня напали и ограбили, лишив часов и кошелька. Затем в ближайшем полицейском участке я сообщил об этом словами: «Я был на такой-то улице, там *уединенность* и *темнота* отняли у меня часы и кошелек». Хотя этими словами я не сказал бы ничего, что было бы неверным, я все же подвергся бы риску как раз такого после моего сообщения быть принятым за человека, у которого не все в порядке с головой. Положение вещей можно описать корректным образом лишь так, что, *воспользовавшись* уединенностью места, под *защитой* темноты неизвестные преступники лишили меня моих ценных вещей. Итак, положение вещей при забывании имен не обязательно должно быть дру-

гим; пользуясь усталостью, нарушением циркуляции и интоксикацией, неизвестная мне психическая сила лишает меня возможности распоряжаться причитающимися моей памяти именами собственными, та же самая сила, которая в других случаях может стать причиной отказа памяти при полном здоровье и дееспособности.

Когда я анализирую наблюдавшиеся у меня самого случаи забывания имен, то почти всегда обнаруживаю, что скрывшееся имя имеет отношение к теме, непосредственно касающейся моей персоны, и способно вызвать у меня сильные, зачастую неприятные аффекты. В соответствии с удобной и достойной рекомендации практикой цюрихской школы (Блейлер, Юнг, Риклин) я могу выразить это же самое и в такой форме: выпавшее имя затронуло у меня «личный комплекс». Отношение имени к моей персоне является неожиданным, как правило, опосредствованным поверхностной ассоциацией (двусмысленностью слова, созвучием); в общем и целом его можно охарактеризовать как побочное отношение. Некоторые простые примеры лучше всего пояснят его природу.

1) Один пациент просит меня порекомендовать ему курорт на Ривьере. Я знаю такое место совсем рядом с Генуей, вспоминаю также фамилию немецкого коллеги, который там практикует, но саму местность назвать не могу, хотя, полагаю, прекрасно знаю ее. Мне не остается ничего другого, кроме как попросить пациента подождать и тотчас обратиться

ся к женщинам из моей семьи. «Как же называется место рядом с Генуей, где у доктора Н. имеется небольшая лечебница, в которой так долго находилась на лечении такая-то женщина?» – «Разумеется, ты-то и должен был забыть это название. Оно называется *Нерви*». С *нервами*, разумеется, мне приходится иметь дело вдоволь.

2) Другой говорит о расположенном неподалеку дачном месте и утверждает, что там помимо двух известных имеется и третий ресторан, с которым у него связывается определенное воспоминание; название он сейчас мне скажет. Я оспариваю существование этого третьего ресторана и ссылаюсь на то, что в том месте я провел семь летних сезонов, стало быть, должен знать его лучше, чем он. Раздраженный несогласием, он, однако, уже вспомнил название. Ресторан называется «*Хохвартнер*». Тут, однако, я вынужден уступить, более того, я должен признать, что семь летних сезонов прожил в самой непосредственной близости от этого ресторана, существование которого я отрицал. Почему я здесь забыл его название да и сам факт? Я думаю, потому что название слишком явно созвучно с фамилией одного венского коллеги, то есть оно опять-таки затрагивает во мне «профессиональный» комплекс.

3) В другой раз, собираясь на вокзале *Райхенхалля* купить билет, я никак не могу вспомнить хорошо мне знакомое название ближайшей большой железнодорожной станции, которую я очень часто уже проезжал. Я вынужден самым се-

рьезным образом искать ее в расписании движения поездов. Она называется: *Розенхайм*. Но после этого мне сразу становится ясно, из-за какой ассоциации у меня пропало ее название. Часом раньше я навестил мою сестру в ее доме совсем рядом с Райхенхаллем; мою сестру зовут *Роза*, то есть опять-таки Розенхайм (Rosenheim, буквально: жилище Розы). Это название отнял у меня «семейный комплекс».

4) Прямо-таки грабительское воздействие «семейного комплекса» я могу далее проследить на целом ряде примеров.

Однажды ко мне на прием пришел молодой мужчина, младший брат одной пациентки; я видел его бесчисленное множество раз и привык называть по имени. Когда затем я хотел рассказать о его визите, я забыл его имя, которое, как я знал, отнюдь не было необычным, и, как ни старался, не мог воскресить его в памяти. Тогда я вышел на улицу, чтобы прочесть фирменные вывески, и узнал имя, как только оно мне попало на глаза. Анализ мне показал, что между посетителем и моим собственным братом я провел параллель, достигшую кульминации в вытесненном вопросе: поступил бы мой брат в аналогичном случае точно так же или, скорее, наоборот? Внешняя связь между мыслями о чужой и собственной семье стала возможной благодаря той случайности, что и там и здесь матери носили одинаковое имя: Амалия. Затем задним числом я понял также и замещающие имена: Даниэль и Франц, которые мне навязывались, но никакой яс-

ности не вносили. Это, как и Амалия, имена из «Разбойников» Шиллера, с которыми связывается шутка венского фланера Даниэля Шпицера.

5) В другой раз я не могу вспомнить фамилию одного пациента, с которым поддерживаю отношения с юности. Анализ ведет долгим окольным путем, прежде чем доставляет мне искомую фамилию. Пациент выразил страх потерять зрение; это пробудило воспоминание об одном молодом человеке, ослепшем после выстрела; к этому в свою очередь присоединился образ другого юноши, который застрелился, и этот последний носил такую же фамилию, что и первый пациент, хотя и не состоял с ним в родстве. Фамилию же я нашел только тогда, когда мною был осознан перенос тревожного ожидания с двух этих случаев в юности на одного человека из моей собственной семьи.

Таким образом, через мое мышление идет постоянный поток «соотнесения с собой», о котором я обычно не получаю никаких известий, но который выдает себя мне через такое забывание имени. Дело обстоит так, словно я вынужден сравнивать с собственной персоной все то, что слышу о посторонних людях, словно всякий раз, когда я получал сведения о других, у меня пробуждались мои личные комплексы. Невозможно, чтобы это было индивидуальной особенностью моей персоны; скорее это должно содержать указание на тот способ, которым мы вообще понимаем «другое». У меня есть основание предполагать, что и у других индивидов

дело обстоит в точности как у меня.

Самый красивый пример этого рода в качестве происхождения, случившегося с ним самим, сообщил мне некий господин Ледерер. Во время своего свадебного путешествия он встретился в Венеции с одним малознакомым ему господином, которого ему пришлось представить своей молодой жене, но поскольку фамилию чужака он позабыл, на первый раз он выкрутился, пробормотав нечто неразборчивое. Встретив затем этого господина во второй раз, что в Венеции неизбежно, он отвел его в сторону и попросил помочь все-таки выйти из неловкого положения, поскольку тот назвал ему свою фамилию, которую он, к сожалению, забыл. Ответ чужака свидетельствовал о превосходном знании им людей: «Охотно верю, что вы не запомнили моей фамилии. Меня зовут так же, как вас: Ледерер!» Нельзя отделаться от несколько неприятного ощущения, когда встречаешь свою собственную фамилию у постороннего человека. Недавно я испытал его очень отчетливо, когда во время врачебного приема один господин представился мне как З. Фрейд. (Впрочем, обращаю внимание на заверение одного из моих критиков, что он в этом пункте ведет себя совершенно иначе, чем я.)

б) Действенность соотнесения с собой можно обнаружить также в следующем приведенном Юнгом ⁸ примере:

«Господин Y безнадежно влюбился в некую даму, которая вскоре вышла замуж за господина X. Между тем господин

⁸ «Dementia praecox», S. 52.

У уже с давних пор знает господина Х и даже находится с ним в деловых отношениях, но тем не менее снова и снова забывает его имя, из-за чего ему несколько раз приходилось справляться о нем у других людей, когда он хотел написать господину Х письмо».

Между тем, мотивация забывания в этом случае более очевидна, чем в предыдущих, в которых имеет место констелляция соотнесения с собой. Забывание представляется здесь прямым следствием антипатии господина У к своему более удачливому сопернику; он и знать не хочет о нем; «удел его – забвение».

7) Мотив к забыванию имени может также быть утонченным, состоять в «сублимированной», так сказать, неприязни к его носителю. Так, фрейлейн И. фон К. из Будапешта пишет:

«Я обдумывала одну небольшую теорию. Собственно говоря, я заметила, что люди, имеющие талант к живописи, не разбираются в музыке, и наоборот. Некоторое время назад я разговаривала об этом с одним человеком и сказала: „До сих пор мое наблюдение подтверждалось всегда за исключением одного случая“. Когда я захотела вспомнить фамилию этого человека, то оказалось, что я ее безнадежно забыла, хотя знала, что носитель ее – один из моих самых близких знакомых. Когда через несколько дней я случайно услышала эту фамилию, я, разумеется, тут же признала, что речь шла о разрушителе моей теории. Неприязнь, которую я бессозна-

тельно затаила против него, выразилась через забывание его столь привычной для меня фамилии».

8) Несколько другим путем соотнесение с собой привело к забыванию имени в следующем сообщенном Ференци случае, анализ которого становится особенно поучительным благодаря разъяснению замещающих мыслей (как в случае Боттичелли – Больтраффио по отношению к Синьорелли).

«Одной даме, кое-что слышавшей о психоанализе, никак не вспоминается фамилия психиатра Юнга.

Вместо этого возникают следующие ассоциации: Кл. (фамилия) – Вильде – Ницше – Гауптман.

Я не называю ей фамилию и прошу ее свободно ассоциировать по поводу каждой отдельной мысли.

По поводу Кл. ей тут же приходит мысль о фрау Кл.; что она – манерная, жеманная дама, однако весьма хорошо выглядящая для своего *возраста*. „Она не стареет“. В качестве общего родового понятия для Вильде и Ницше она называет „душевную болезнь“. Затем она язвительно говорит: „Вы, фрейдянцы, так долго будете искать причины душевных болезней, пока сами не станете *душевнобольными*“. Затем: „Терпеть не могу Вильде и Ницше. Я их не понимаю. Я слышала, что оба они были гомосексуалистами; Вильде возился с *юными* (jungen) людьми“. (Несмотря на то что в этой фразе она уже произнесла верное имя – правда, по-венгерски, – она по-прежнему не может его припомнить.)»

«По поводу Гауптмана ей приходит в голову „половина“,

затем „юность“, и только теперь, после того как я направляю ее внимание на слово „юность“, ей становится ясно, что искала она фамилию Юнг».

«Разумеется, эта дама, потерявшая в возрасте тридцати девяти лет супруга и не имеющая перспектив вновь выйти замуж, имеет достаточно оснований избегать воспоминания обо всем, что напоминает о юности или возрасте. Бросается в глаза чисто содержательное ассоциирование покрывающих мыслей по поводу искомого имени и отсутствие ассоциаций по созвучию».

9) Еще по-другому мотивированным, причем весьма утонченно – является пример забывания имени, который данному человеку удалось разъяснить самому:

«Когда в качестве побочного предмета я сдавал экзамен по философии, экзаменатор спросил меня об учении Эпикура, а затем, в дополнение, знаю ли я, кто вновь обращался к его учению в последующие века. Я ответил, назвав имя Пьера Гассенди, о котором буквально два дня назад слышал в кафе как об ученике Эпикура. На удивленный вопрос, откуда я это знаю, я смело ответил, что давно интересовался Гассенди. Как результат – *magna cum lande*⁹, но, к сожалению, и последующая упорная склонность забывать фамилию Гассенди. Полагаю, моя нечистая совесть виной тому, что, несмотря на все старания, я не могу теперь удержать в памяти эту фамилию. Лучше бы я и тогда ее не знал».

⁹ Диплом с отличием (лат.).

Чтобы правильно оценить степень антипатии к воспоминанию об этом эпизоде с экзаменом у нашего поручителя, необходимо знать, насколько он дорожит своей ученой степенью доктора наук и сколь многое должна предоставить ему эта замена.

10) Я включаю сюда еще один пример забывания названия города, который, возможно, не столь прост, как приведенные ранее, но каждому, кто знаком с такими исследованиями, покажется правдоподобным и ценным. Название одного итальянского города не поддается воспоминанию вследствие его значительного созвучия с одним женским именем, с ним связываются разного рода аффективные воспоминания, которые при сообщении исчерпывающим образом, пожалуй, не изложены. Ш. Ференци (Будапешт), наблюдавший этот случай забывания на самом себе, поступает с ним так, как анализируют сновидения или невротическую идею, и, несомненно, делает это с полным на то основанием.

«Сегодня я был в одной семье, с которой дружен; речь зашла о городах Верхней Италии. Тут некто упоминает, что они по-прежнему испытывают на себе австрийское влияние. Он называет несколько таких городов; я тоже хочу назвать один, но его название не приходит мне в голову, хотя я знаю, что провел там два очень приятных дня, и это не совсем согласуется с теорией Фрейда, объясняющей забывание. Вместо искомого названия города мне навязываются следующие ассоциации: *Капуа – Брешиа – лев Брешии*».

«Этого „льва“ я вижу в форме *мраморной статуи*, которая словно реальная находится передо мной, но тут же замечаю, что он не столько похож на льва на памятнике свободы в Брешии (который я видел только на картинке), сколько на того другого мраморного льва, которого я видел в Люцерне на *надгробном* памятнике швейцарским гвардейцам, павшим в Тюильри, и репродукция которого *en miniature* стоит на моем книжном шкафу. Наконец, мне все же приходит в голову искомое название: это *Верона*.

Мне сразу также становится ясно, кто был повинен в этой амнезии. Никто иная, как прежняя прислуга семьи, где я как раз находился в гостях. Ее звали *Вероника*, по-венгерски *Верона*, и она была мне очень антипатична из-за своей отталкивающей физиономии, а также своего *синлого*, *резкого голоса* и невыносимого доверительного обращения (на что она считала себя вправе из-за долгого срока службы). Кроме того, для меня был невыносим *деспотизм*, с которым она в свое время обращалась с хозяйскими детьми. Теперь я также знал, что означали замещающие мысли.

«По поводу *Капуи* у меня тут же возникла ассоциация с *caput mortuum*. Очень часто я сравнивал голову Вероники с *черепом мертвеца*. Венгерское слово *kapzsi* (алчный), несомненно, стало также причиной смещения. Разумеется, я нахожу также те гораздо более прямые ассоциативные пути, связывающие между собой *Капую* и *Верону* в качестве географических понятий и итальянских слов с одинаковым рит-

мом.

То же самое относится к *Брешии*; но также и здесь обнаруживаются переплетенные окольные пути ассоциации идей.

В свое время моя антипатия была такой сильной, что я нахаживал Веронику поистине отвратительной и не раз выражал свое удивление тем, что ей все же удавалось вести любовная жизнь и что ее любили; „Как ее можно поцеловать, – говорил я, – ведь это вызовет позыв к *rwote* [*Brechreiz*]“. И все-таки эту антипатию, несомненно, давно можно было связать с идеей о *павших* швейцарских гвардейцах.

Брешиа, во всяком случае здесь, в Венгрии, очень часто обозначается не львом, а другим *диким зверем*. Самое ненавистное имя в этой стране, равно как и в Верхней Италии, – имя генерала Гайнау, которого без обиняков называют *геной из Брешии*. Стало быть, от ненавистного тирана Гайнау одна нить мыслей через Брешию ведет к городу Вероне, другая – через идею о *животном-могильщике с сильным голосом* (причастном к появлению *надгробного памятника*) – к черепу мертвеца и к неприятному органу Вероники, которую столь злобно поносит мое бессознательное, в свое время почти так же тиранически хозяйничавшей в этом доме, как австрийский генерал – после венгерской и итальянской борьбы за освобождение.

С *Люцерном* связывается мысль о лете, которое Вероника вместе со своими хозяевами провела на Фирвальдштетском озере *поблизости от Люцерна*; в связи со „*швейцарской*

гвардией“ опять-таки воспоминание, что она умела тиранить не только детей, но и взрослых членов семьи и ей нравилось выступать в роли *гвардейской дамы*.

Я со всей определенностью отмечаю, что эта моя антипатия к В. — сознательно — относится к давно преодоленным вещам. Тем временем внешне, равно как и в своих манерах, она к выгоде для себя значительно изменилась, и я могу обращаться с ней (для чего, правда, у меня редко бывает повод) с искренним дружелюбием. Мое бессознательное, как это обычно бывает, более цепко держится за впечатления, оно „злопамятно“ и мстительно.

Тюильри — это намек на вторую персону, пожилую французскую даму, которая фактически „охраняла“ (*gardiert*) женщин в доме по многочисленным поводам и которую уважали от мала до велика, пожалуй, немного также *боялись*. Какое-то время я был ее *élève* (учеником) в беседах на французском. В связи со словом *élève* мне также приходит на ум, что, найдившись в гостях в Северной Богемии у шурина моего нынешнего хозяина дома, я не раз смеялся над тем, что тамошнее сельское население называло воспитанников (Eleven) местной лесной академии „львами“. Также и это веселое воспоминание, возможно, было причастно к смещению от гиены ко льву».

11) Также и нижеследующий пример ¹⁰ может показать, как властвующий над человеком в настоящее время ком-

¹⁰ «Zentralblatt für Psychoanalyse», I, 9. 1911.

плекс вызывает забывание имени в расположенном на большом расстоянии месте:

«Двое мужчин, один постарше, а другой более юный, которые шесть месяцев вместе путешествовали по Сицилии, обмениваются воспоминаниями о тех прекрасных и содержательных днях. „Как же называлось то место, – спрашивает более молодой, – в котором мы заночевали, чтобы совершить вылазку в Селинунт? *Калатафими*, не так ли?“ Старший с этим не соглашается: „Конечно, нет, но я тоже забыл название, хотя очень хорошо помню все детали пребывания там. Мне достаточно будет заметить, что другой забыл название; и тут же и у меня индуцируется забывание. Не хотим ли мы поискать название? Но мне ничего другого, кроме *Кальтанисетты*, в голову не приходит, но это название, несомненно, неправильное“. – „Нет, – говорит более молодой, – название начинается с *w* или в нем имеется *w*“. – „Но буквы *w* в итальянском не существует“, – напоминает старший. „Да, я и имел в виду лишь *v*, а *w* сказал лишь потому, что приучен к этому моим родным языком“. Старший не соглашается с *v*, он полагает: „Мне кажется, что я вообще позабыл многие сицилийские названия; самое время проделать опыт. Как, например, называется возвышенная местность, которую в древности называли Энна? А, я уже знаю: *Кастроджиованни*“. В следующее мгновение младший нашел также и потерянное название. Он восклицает: „*Кастельветрано*“, – и радуется тому, что сумел доказать наличие *v*,

как он и утверждал. Старшему еще какое-то время не достает чувства знакомого; но, согласившись с названием, он должен теперь рассказать, почему оно выпало у него. Он полагает: „Наверное, потому, что вторая половина – *ветрано* – созвучна с *ветераном*. Я уже знаю, что не люблю думать о *старении* и по-особому реагирую, когда мне о нем напоминают. Так, например, недавно одному своему другу, которого очень ценю, я сказал в укор в самом диковинном облачении, что он «давно уже вышел из юного возраста», поскольку тот когда-то раньше посреди самых лестных высказываний обо мне также сказал, что я уже не молодой человек. То, что сопротивление у меня направилось на вторую половину названия *Кастельветрано*, происходит также от того, что его начало вернулось в замещающем названии *Кальтанисетта*“. – „А само название *Кальтанисетта*?“ – спрашивает младший. „Оно всегда казалось мне ласкательным прозвищем для молодой женщины“, – признается старший.

Спустя какое-то время он добавляет: „Название для *Энны* тоже ведь было замещающим. И тут мне приходит в голову мысль, что это название *Кастроджиованни*, выступающее вперед с помощью рационализации, точно так же созвучно с *giovane* – юный, как потерянное название *Кастельветрано* с *ветераном* – старый“.

Таким образом, по мнению старшего, он разобрался в своем забывании названия. По каким мотивам более молодой пришел к точно такому же феномену выпадения, исследова-

но не было».

Наряду с мотивами забывания имен нашего интереса заслуживает также и его механизм. В большом числе случаев имя забывается не потому, что оно само пробуждает такие мотивы, а потому, что из-за созвучия и сходства звуков оно затрагивает некое другое имя, против которого и направляются эти мотивы. Понятно, что благодаря такому ослаблению условий возникновения феномена чрезвычайно облегчается. Так происходит в следующих примерах.

12) Доктор Эд. Хичманн: «Господин N хочет сообщить кому-то о книготорговой фирме „Гильхофер и Раншбург“. Однако, несмотря на все размышления, ему приходит лишь имя Раншбург, хотя фирма ему хорошо знакома. Испытывая из-за этого легкую неудовлетворенность, он возвращается домой, и дело кажется ему достаточно важным, чтобы спросить брата, который, похоже, уже засыпал, о первой половине названия фирмы. Тот без промедления ее называет. После этого господину N в связи с „Гильхофер“ тут же приходит слово „Гальхоф“. В „Гальхоф“ несколько месяцев назад он совершил богатую воспоминаниями прогулку в обществе привлекательной девушки. Девушка подарила ему в качестве сувенира одну вещь, на которой было написано: „На память о прекрасных часах в Гальхофе“ (Gallhofer Stunden). За несколько дней перед тем, как было забыто название, господин N серьезно повредил эту вещь, внешне случайно, резко задвинув выдвижной ящик, что он констатировал – зна-

комый со смыслом симптоматических действий – не без чувства вины. В эти дни он находился в несколько амбивалентном настроении по отношению к даме: он не решался пойти навстречу ее желанию жениться на ней, хотя ее и любил». (Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse I, 1913.)

13) Доктор Ганс Захс: «Во время разговора о Генуе и ее ближайших окрестностях один молодой человек хочет назвать также местность *Пельи*, но название может вспомнить только с трудом, после напряженного размышления. По дороге домой он думает о неприятном исчезновении этого хорошо ему знакомого названия и при этом приходит к совершенно аналогично звучащему слову *Пели*. Он знает, что так называется остров в южной части Тихого океана, жители которого сохранили несколько странных обычаев. Недавно он прочитал об этом одну этнологическую работу и собирался затем использовать эти сообщения для собственной гипотезы. Затем ему приходит в голову мысль, что Пели – это еще и место действия одного романа, а именно „Самое счастливое время ван Цантена“ Лауридса Брууна, который он прочел с интересом и удовольствием. Мысли, чуть ли не непрерывно занимавшие его в этот день, связались с письмом, полученным им этим же утром от одной очень дорогой для него дамы; это письмо заставило его опасаться, что ему придется отказать от одной уже назначенной встречи. После того как он провел весь день в самом дурном настроении, вечером он вышел из дома с намерением не мучиться больше неприят-

ными мыслями, а по возможности безмятежно насладиться предстоящим общением, которое для него было необычайно ценным. Очевидно, что слово „*Пельи*“ могло всерьез повредить его намерению, поскольку по созвучию оно тесно связано с „*Пели*“; *Пели* же, приобретшее благодаря этнологическому интересу отношение к Я, олицетворяет „самое счастливое время“ не только ван Цантена, но и его собственное, а потому также опасения и заботы, которые одолевали его в течение дня. Характерно, что это простое толкование было достигнуто лишь после того, как второе письмо превратило сомнения в радостную уверенность в скором свидании».

Если, рассматривая этот пример, вспомнить о, так сказать, смежном с ним, в котором не может вспомниться название места Нерви, то можно увидеть, как двоякий смысл одного слова заменяется сходством по созвучию двух слов.

14) Когда в 1915 году вспыхнула война с Италией, я смог на самом себе произвести наблюдение, что моей памяти вдруг стало недоступно целое множество названий итальянских местностей, которыми я обычно легко распоряжался. Как и многие другие немцы, я приобрел привычку часть отпуска проводить на итальянской земле и не мог сомневаться в том, что это массовое забывание названий являлось выражением понятной враждебности к Италии, занявшей теперь место прежнего пристрастия. Наряду с этим непосредственно мотивированным забыванием названий я выявил, однако, и косвенные, которые можно было свести к этому же влия-

нению. Я также стал склонен забывать названия неитальянских мест и при исследовании таких происшествий обнаружил, что эти названия каким-то образом благодаря отдаленному созвучию связаны с предосудительными враждебными. Так, например, однажды я мучительно пытался вспомнить название моравского города *Бизенц*. Когда, наконец, оно мне вспомнилось, мне тут же стало ясно, что это забывание следует отнести на счет палаццо *Бизенци* в Орвието. В этом палаццо находится отель Белле Арти, где я жил всякий раз, когда приезжал в Орвието. Разумеется, самые дорогие воспоминания сильнейшим образом были повреждены изменившейся эмоциональной установкой.

Целесообразно также с помощью некоторых примеров напомнить о том, что ошибочное действие в виде забывания имени может служить разным намерениям.

15) А. Й. Шторфер («Забывание имени для обеспечения забывания намерения»). «Одна дама из Базеля однажды утром получает известие, что подруга ее юности *Сельма Х.* из Берлина, находившаяся как раз в своем свадебном путешествии, проездом оказалась в Базеле; берлинская подруга останется в Базеле лишь на один день, и поэтому жительница Базеля тотчас спешит в отель. Расставаясь, подруги договариваются снова встретиться после обеда и оставаться вместе до отъезда жительницы Берлина. После обеда жительница Базеля *забывает* о randevu. Детерминация этого забывания мне неизвестна, ведь именно в этой ситуации (встре-

ча с *только что* вышедшей замуж подругой юности) возможны разного рода типичные конstellляции, которые могут обусловить торможение, связанное с повторением встречи. В этом случае интересно *последующее* ошибочное действие, представляющее собой бессознательное обеспечение первого. В то время, когда она должна была вновь встретиться с подругой из Берлина, жительница Базеля находилась в обществе в другом месте. Речь зашла о недавней свадьбе венской оперной певицы *Куриц*. Дама из Базеля критически (!) высказалась по поводу этого *брака*, но когда она захотела произнести фамилию певицы, ей, к ее величайшему замешательству, не вспомнилось *имя*. (Как известно, как раз при произнесении односложных фамилий люди склонны называть также имя.) Дама из Базеля тем больше была раздосадована слабостью памяти, поскольку часто слушала певицу Курц и ей было привычно произносить (целиком) ее имя. Прежде чем кто-то другой назвал выпавшее имя, разговор переключился на другую тему. Вечером этого же дня наша дама из Базеля находится в обществе, отчасти тождественном тому, что было после обеда. Речь случайно снова заходит о браке венской певицы, и дама без труда называет полное имя „*Сельма Куриц*“. За этим тут же следует и ее возглас: „Ах, я совершенно забыла, что сегодня после обеда договорилась встретиться с моей подругой *Сельмой*“. Взглянув на часы, она обнаружила, что подруга должна была уже уехать». (Internat. Zeitschr. f. Psychoanalyse, II, 1914.)

Возможно, мы еще не готовы к тому, чтобы оценить этот красивый пример во всех его отношениях. Более простым является следующий, в котором забывается, правда, не имя, а иностранное слово по причине мотива, заключающегося в ситуации. (Мы уже замечаем, что эти же процессы мы трактуем так, как если бы они относились к именам собственным, фамилиям, иностранным словам или последовательностям слов.) Здесь молодой человек забывает английское слово, которое идентично немецкому и обозначает золото, чтобы найти повод к желательному для него поступку.

16) Доктор Ганс Захс: «Молодой человек знакомится в общем пансионе с одной англичанкой, которая ему нравится. Когда в первый вечер знакомства он беседует с нею на ее родном языке, которым довольно хорошо владеет, и при этом хочет употребить английское слово, обозначающее „золото“, ему, несмотря на самые напряженные поиски, это слово не вспоминается. И наоборот, в качестве замещающих слов ему упорно навязываются французское *or*, латинское *aurum* и греческое *chrysos*, ему лишь с огромным трудом удается от них отделаться, хотя он определенно знает, что родства с искомым словом они не имеют. В конце концов он не находит другого способа объясниться, кроме как дотронуться до золотого кольца на руке дамы; совершенно сконфуженный, он теперь узнает от нее, что так долго искавшееся слово, которое обозначает золото, звучит точно так же, как и немецкое, а именно: *gold*. Высокая ценность такого прикоснове-

ния, к которому привело забывание, заключается не только в предосудительном удовлетворении влечения трогать или прикасаться, которое возможно ведь и при других поводах, усердно используемых влюбленными, но и в гораздо большей степени в том, что оно позволяет прояснить перспективы ухаживания. Бессознательное дамы, особенно если оно с симпатией отнеслось к собеседнику, выдает эротическую цель забывания, скрывающуюся за безобидной маской; то, каким образом она принимает прикосновение и считается с мотивировкой, может стать, таким образом, бессознательным для обеих сторон, но весьма многозначительным средством извещения о шансах только что затеянного флирта».

17) Я сообщу также одно интересное наблюдение Й. Штерке о забывании и нахождении имени собственного, которое отличается тем, что с забыванием имени связано искажение последовательности слов стихотворения, как в примере «Коринфской невесты».

«Один пожилой юрист и языковед, Z., рассказывает в обществе, что в свои студенческие годы в Германии знал одного студента, который был необычайно глуп, и хочет рассказать некий анекдот о его глупости. Но он не может вспомнить фамилии этого студента, полагает, что она начинается с W, но впоследствии берет свои слова обратно. Он вспоминает, что этот глупый студент впоследствии стал *виноделом*. Затем он снова рассказывает анекдот о глупости этого же студента, еще раз удивляется, что не может вспомнить его фамилии, а

затем говорит: „Он был таким ослом, что я по-прежнему не понимаю, как сумел ему вдолбить повторениями латинский язык“. Через какое-то мгновение он вспоминает, что иско-мое имя оканчивается на ... *ман*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.